

И. В. Малыгина¹

КРИЗИС ДИАЛОГОВЫХ СТРАТЕГИЙ В КУЛЬТУРЕ ПОСТГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Завершение проекта глобализации, о котором еще вчера говорили с большой долей осторожности, преимущественно в терминах предчувствий и интуиции, сегодня осознается как факт, очевидность которого не-

¹ Заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор. Автор 122 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Культурология: имя собственное: к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера» (науч. ред. и соавт.), «Проблемы культуры в XXI веке» (в соавт.), «Столкновение идентичностей и принципы межкультурных коммуникаций в современном мире» (науч. ред. и соавт.) и др.; учебных пособий: «Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии» и др.; статей: «Культурные идентичности в постглобальном мире», «„Синтез войны и театра“: социально-гуманитарный дискурс о природе терроризма» (в соавт.) и др. Член редсовета журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», редколлегии электронного журнала «Культура культуры», президиума Научно-образовательного культурологического общества.

возможно игнорировать на фоне надукраинских событий. Понадобится время для того, чтобы с достаточной степенью полноты осмыслить изменения, которые ждут мир в связи с переходом в новое состояние, артикулировать и оценить меру обретений и утрат, связанных с разрушением величайшей иллюзии человечества. Тем не менее уже сегодня становятся очевидны некоторые характерные черты постглобального мира, которые убеждают нас в том, что ни единого мира с более или менее толерантным отношением к его разнообразию, ни всеобщего мирового сознания, обещанного теоретиками глобализации на ее начальном этапе, так и не случилось.

Первое, чем ознаменовался конец глобализации, — это глубочайший коммуникативный кризис, который возник на фоне украинского «кейса», затронул всех его явных или «условно латентных» акторов и, по сути, об-

нулил потенциал диалоговых коммуникативных стратегий. Новой «нормой» не только межгосударственной, но и межкультурной коммуникации становится монологический диктат и с точки зрения ее концептуальной основы, и в смысле использования информационных и технологических ресурсов, исключающих любые возможности диалога.

Необходимо отметить, что кризис диалоговых стратегий обусловлен целым рядом как контекстуальных, так и вполне конкретных причин. Прежде всего необходимо вспомнить, что возможность любого диалога обеспечивается набором исходных требований к ее сторонам: «признание ценности и равенства партнера по диалогу, его рациональной способности, возможности выдвижения интересубъективно значимых проблем, принятие неполноты и возможной ошибочности любой позиции, плюрализм и толерантность, взаимодополнительность понимания и рациональной интерпретации»¹. Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет об идеальной ситуации, смоделированной в рамках классической философии со ставкой на всепобеждающую силу разума.

Что же касается культурной ситуации, которая все еще описывается в терминологии постклассического дискурса, то здесь данные критерии диалоговой коммуникации утрачивают качества безусловности и объективности; доминирующим на уровне теоретизирования в условиях постклассической философии становится «мозаичное видение межкультурного диалога»² с учетом различий взаимодействующих культур, когда диалог фактически претендует на статус полилога, в котором должен быть услышан голос каждой взаимодействующей стороны. Однако претензии коллективного Запада на лидерство в глобальной конкуренции привели к экспансии западного типа рациональности и к почти ничем не сдерживаемому трансферу западной модели ценностей, регулируемой так называемой новой этикой с ее «культурой отмены».

Эти тенденции свидетельствуют о ситуации монологического типа отношений, причем в том негативном смысле, который вкладывал в данное понятие М. С. Каган, утверждая, что монолог эгоцентричен, авторитарен и деспотичен, ибо не считается с тем, к кому обращено высказывание, априори рассчитан на то, чтобы быть услышанным, усвоенным и стать руководством к действию³.

Очевидно, что монологический диктат способен провоцировать зеркальный ответ, или «отзеркаливание» различных, в том числе вытесняемых и санкционируемых, дискурсов⁴, «различные незападные дискурсивные стратегии», которые «все еще возникают в качестве ответа на западный вызов»⁵. Более того, сомнительный в своей легитимности монологический диктат порождает адекватные формы ответа. О том,

что данный вывод не просто фигура речи, свидетельствует появление на рубеже XX–XXI веков международного или глобального терроризма, который в рамках философско-культурологического дискурса трактуется как культурный по своим глубинным причинам феномен, поскольку возник как ответ, противодействие «традиционных народов и культур, расположенных к востоку от Европы, тотальному наступлению на них западной цивилизации без святых и героев»⁶. Самые крупные террористические атаки в XXI веке, включая события 11 сентября в Нью-Йорке, стали выражением протеста в ответ на западное культурное доминирование⁷.

Но самым выразительным примером реакции на монологический диктат Запада до сих пор остается террористическая атака на сирийскую Пальмиру. Древний город, хранивший культурные следы античной цивилизации, крупнейший памятник мирового культурного наследия на Ближнем Востоке, показательно, перед объективами телекамер, был подвергнут варварскому разрушению боевиками ИГИЛ (запрещенной в России и многих странах мира террористической организации).

При всей значимости событий и многочисленных контекстах, важных для осмысления «кейса Пальмиры», в рамках данного доклада следует выделить две тенденции, которые, скорее всего, будут определять характер коммуникации в условиях кризиса диалоговых стратегий.

Первая — это сублимация террористической активности в сферу культуры, выбор культуры в качестве важного стратегического объекта⁸. И вторая — символический контекст террористических действий. В случае Пальмиры трудно объяснить столь масштабную акцию исключительно невежеством или жадной наживы. Совершенно очевидно, что это высказывание, манифестация, символический жест, «зеркальный ответ», адресованные коллективному Западу, «вышедшему» из античной культуры⁹.

«Кейс Пальмиры», кажется, должен был научить считывать глубинные смыслы происходящего и извлекать уроки: диктат рождает диктат, а монологическое высказывание далеко не всегда и совершенно не обязательно воспринимается как руководство к действию. Тем не менее события, разворачивающиеся на Украине после 2014 года, атаки на памятники общего прошлого, достигшие сегодня своего апогея, очень напоминают невыученный урок истории.

На наших глазах разрушаются многие мифы, порожденные дискурсом глобализма. Один из них — миф об интеграции людей и государств в глобальную сетевую коммуникацию посредством Интернета, что по

⁶ *Кутырев В. А.* Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–93.

⁷ *Флиер А. Я.* Культурные основания насилия (памяти Усамы бен-Ладена) // Культурология 20-11 : авт. сб. эссе и статей. М. : Согласие, 2011. С. 519.

⁸ *Малыгина И. В., Малыгина А. В.* «Восстание традиционалистов»: от «культуры» террора к террору против культуры // Культурология: имя собственное: к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера / общ. науч. ред. И. В. Малыгиной. М. : Согласие, 2021. С. 187–202.

⁹ Там же.

¹ *Губман Б. Л.* Диалог культур в перспективе постклассической философии // Культура культуры. 2016. № 1.

² Там же.

³ *Каган М. С.* Горизонты и границы диалога в истории культуры: философский анализ // Каган М. С. Избр. тр. : в 7 т. СПб., 2006. Т. 1 : Проблемы методологии. С. 222.

⁴ *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое лит. обозрение, 2017.

⁵ *Губман Б. Л.* Указ. соч.

определению делает невозможным отключение от коммуникации культуры или страны, язык которой способна распознать сегодня Всемирная паутина. Между тем события, разворачивающиеся на наших глазах, упраздняют эту иллюзию. Формирование и структурирование потоков информации, которые могут двигаться параллельно, не пересекаясь и преодолевая при необходимости онтологическую неизбежность диалогового дискурса, наполнение этих потоков любым желаемым контентом, а главное — право доступа к информации и возможности ее трансляции, как оказалось, подчиняются жесткому контролю и санкционируются посредством различных способов: от технического исключения из коммуникативного поля или даже отключения от международных платежных систем, банальных фальсификаций и мистификаций до символически насыщенных «фигур умолчания», «культуры отмены» и других приемов, которым еще только предстоит быть описанными и обрести адекватное название.

Четвертая промышленная революция, сделавшая благодаря цифровому и информационному развитию мир прозрачным, вместе с тем привела его к тотальности контроля и мониторинга всех сфер социальной и частной жизни, включая коммуникацию и, что особенно важно, сделала очень уязвимым перед постоянно умножающимися технологиями постправды¹.

Совершенно очевидно, что возможности достижения диалога в этом контексте стремятся к нулю. В связи с этим встает вопрос о наличии хотя бы гипотетического ресурса, который можно противопоставить кризису диалоговой коммуникации. Представляется, что объем этих ресурсов соразмерен уровню компетентности субъекта современной культуры — индивидов и социальных групп, включенных в процессы межкультурного взаимодействия.

Коллективный субъект современной культуры — поколение Миллениума, или поколение Y, через которое уже уверенно проросли новые поколенческие генерации, — формировался в условиях информационной и цифровой революций, в реалиях «прозрачного мира», поэтому нередко предстает как субъект с незавершенной, разомкнутой идентичностью «постороннего», легко пересекающего смысловые границы множества виртуальных социальных и культурных миров, ни к одному из них не накопив сколько-нибудь глубокой привязанности. Это поколение с устойчивой зависимостью от технологий сетевой коммуникации и жизненным миром, свернутым до технологических возможностей смартфона. Что касается его компетентности, то она сродни «трагической мудрости» в том смысле,

в котором размышлял о ней в середине XX века Г. Марсель, сожалея о том, что место мудреца в современном обществе заняли эксперты, на статус мудреца претендует теперь все общество, а само понятие «мудрец» утрачивает очевидного референта².

Сегодня мудрец — источник и производитель знания — и его потребитель благодаря обширному рынку гаджетов почти равны друг другу. Траектория движения к знанию значительно сократилась, если не «схлопнулась» вовсе. Его постижение как длительный процесс, череда трудоемких рефлексивных процедур поколению, сформировавшемуся в условиях цифровой революции и «визуального поворота», нередко представляется обременительным и избыточным, гораздо проще его присвоить в готовом виде³, просто «скачать». Все это делает субъекта современной культуры беззащитным перед множественными медиапрактиками постправды, неспособным выстраивать продуктивный диалог. И мы ничего не сможем противопоставить технологиям монологического диктата, пока не развернем «схлопнувшуюся» спираль.

Эту задачу прежде всего призваны решать образование и наука, на долю которых выпали тяжелейшие испытания реформами и унификации по западным образцам. По прошествии времени стало очевидно, что стратегии интернационализации образовательного и научного пространства также тяготеют к навязыванию монологического типа отношений и недобросовестной конкуренции, в которой у России на протяжении всего постсоветского периода были заведомо проигрышные позиции. Последние десятилетия отмечены изменениями в приоритетах российской науки, смещением критериев социальной полезности в сторону усиления экономического эффекта. Наряду с этим ориентация экономики на технологические тренды привела к появлению мифов о несвоевременности и избыточности социально-гуманитарного знания в глобальной конкуренции, и статус ученого-гуманитария на шкале между элитарностью и маргинальностью заметно качнулся в сторону последней.

Приходится признать, что гуманитарные разочарования постглобального мира, в том числе связанные с кризисом диалоговых коммуникативных стратегий, и утверждение монологического диктата в качестве новой «нормы» межгосударственного и межкультурного взаимодействия требуют экстренных решений, которые должны лежать в плоскости создания новых социокультурных практик и реабилитации традиционных социальных институтов, ответственных за формирование субъекта культуры.

¹ См., например: Тузовский И. Д. Постправда как синдром цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // *Философская мысль*. 2020. № 12. С. 42–60.

² Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы // *Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе*. М.: Политиздат, 1991. С. 352–366.

³ См.: Малыгина И. В. Динамика гуманитарного образования в современной России // *Вестн. Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки*. 2018. № 8 (799). С. 286–294.